

Петр Вайль: Жанр, в котором работает Светлана Алексиевич, - последняя надежда
Фото: Виктор Васенин

Правда - женского рода

Петр Вайль, обозреватель

"Российская газета" - Федеральный выпуск №4673 от 30 мая 2008 г.

Белорусскую писательницу Светлану Алексиевич, которая пишет и думает на русском языке, сегодня на Западе называют "историком красной цивилизации". Документально-художественная литература в реальном времени - ее талант. Частный человек на обломках большой империи - ее интерес. На прошлой неделе мы встретились на Лихачевских чтениях в Санкт-Петербурге, где ученые и писатели дискутировали на тему "Актуальное прошлое. Мифы и реальность". Наш диалог я предлагаю сегодня читателям "РГ".

Светлану Алексиевич, отмечающую 31 мая юбилей, сделала знаменитой написанная в 1984 году книга "У войны не женское лицо". Тут же пошли переводы на разные языки и поток рецензий, отличающихся от обычных литературных разборов. Общее ощущение: собранные писательницей монологи женщин, участвовавших во Второй мировой войне, - не книга, а кусок правды. С этим надо что-то делать, во что-то упаковать, найти полочку, на которую поставить. Иначе совсем трудно: не удержать в руках - горячо.

То же самое происходило с другими книгами Алексиевич: "Последние свидетели" - дети на войне, "Цинковые мальчики" - Афган, "Зачарованные смертью" - самоубийцы, "Чернобыльская молитва".

Алексиевич пишет документальную прозу в жанре, который нередок на Западе, особенно в англоязычной словесности, где он называется oral history - устная история. Писатель при этом самоудаляется, оставаясь лишь в коротких пояснительных комментариях. Девять десятых текста - прямая речь свидетелей времени. По-русски - с неослабевающей последовательностью и силой - кроме Светланы Алексиевич никто так не пишет. За четверть века к новизне, кажется, привыкли, и ей уже не приходится объяснять, как в начале: "Жанр, в котором я работаю, - лишь на первый взгляд живые свидетельства, и не более того. На самом деле он подразумевает не только стержневое событие, которое должно через огромное количество людей пройти, массовое сознание задеть, он еще держится на философии".

Есть обманчивый соблазн в документальной прозе: казалось бы, изложи важное интересное событие, приведи подлинные высказывания - и все готово. Но ведь получится аморфная куча невнятных слов - та самая, которая заполняет книжные прилавки России. Писание по факту или по подлинной канве прельстило кажущейся легкостью многих. Даже неловко говорить, что к знанию и памяти неплохо бы прибавить мастерство композиции, способность к отбору, вкус и чувство меры.

Писание чужими словами - тяжелый ответственный труд: безусловно, более ответственный, чем писание своими. Потому что жанр, в котором работает Светлана Алексиевич, - последняя надежда.

XX век, помимо иных существенных изменений в жизни человечества, сместил соотношение литературы вымысла и литературы факта. Нет, по-прежнему ничто не может соперничать в популярности с сюжетным романом. Но так называемые нехудожественные жанры, всякого рода non-fiction, резко подтянулись к беллетристике. Достаточно взглянуть на полки больших книжных магазинов: как много места занимают мемуары, биографии, история, документальная проза. XX век был испытательным полигоном идеологий, две из которых - национал-социализм и коммунизм - сотрясли земной шар. Идеологии прошли проверку на верность, вескость, вшивость - и не выдержали ее. Попутно, по ходу Первой мировой, потом с Хиросимой и Чернобылем, рухнула вера в возможность рационального и разумного, по науке, устройства мира. Если минувший век и принес несомненную пользу, то в том, что идеологическому слову перестали доверять. Остаточные явления вроде того, что бубнят какие-нибудь "Наши" или лимоновские пацаны, - всего лишь заклинания, мантры, лишенные всяческого содержания.

По вполне объяснимой логике недоверие к идеологическому слову переросло в недоверие к слову вымышленному. Вот где истоки распространения и популярности литературы факта. И вот почему она - последняя словесная надежда. Если уж и тут вранье, неизбежен в самом деле переход на чистые мантры. Эту ответственность прекрасно осознает Светлана Алексиевич.

Разумеется, со временем в любом ремесле набиваешь руку. Но одно дело - сортировать яблоки или стальные шайбы, другое - исповеди, истошные вопли, стоны, предсмертный хрип. Страшненькая работа у Алексиевич, тут без обостренной совести и огромного мужества - никак.

В ее книгах много ужасного, иногда невыносимо. В "Цинковых мальчиках" - кошмары войны, всегда и всюду питающей садизм (взрезанные животы, выколотые глаза, коллекции засушенных ушей), но они не несут специфики. На войне ужасен человек, вне национальной или государственной принадлежности. Специфика - в уникальном образе завоевателя.

"Рожок патронов за косметический набор - тушь, пудра, тени для любимой девушки... В столовых исчезали ножи, миски, ложки, вилки. В казармах недосчитывались кружек, табуреток, молотков". "Знакомые встречают: "Дублинку привез? Магнитофон японский привез? Ничего не привез... Разве ты не был в Афганистане?" "Зеленки обыкновенной не было. Добывали трофейное, импортное... Эластичного бинта вообще не было. Тоже брал трофейный... У убитых наемников забирали куртки, кепки с длинными козырьками, китайские брюки, в которых паховина не натирается. Все брали. Трусы брали, так как и с трусами был дефицит".

Мне приходилось видеть таких имперцев в Чечне с их трофеями: ковер, транзистор, электробритва, флакон духов.

Встречались ли в мировой истории подобные имперские завоеватели? Афганские и индийские британцы Киплинга были сильны, безжалостны и суперменски хвастливы. Но при этом они были исполнены гордого - или кичливого, зависит от точки зрения, - сознания цивилизаторской миссии: они несли азиатам дороги, мосты, керосиновые лампы и "огненные повозки" - поезда. Немыслимо представить, что, сняв с убитого врага трусы, можно написать: "Несите бремя белых, / сумеете все стерпеть..."

"Наши мальчишки умирали за три рубля в месяц" - это бремя белого человека?

Таких завоевателей не бывало. Высокую крито-микенскую культуру смели с лица земли темные доряне, изысканных греков убрали из истории грубые македонцы, изощренный эллинизм пал под натиском сурового Рима, великий Рим уничтожили дикие вестготы. Но те варварские удары наносились по центрам, оплотам, а ведь не Альпы преодолели войска в декабре 1979-го, а Гиндукуш. Целью были не процветающие сегодняшние "Римы", а задворки третьего мира. То же - в декабре 1994-го: Грозный был провинциальным городом, и только.

Куприн попрекал Киплинга Англией, которая давит мир "во имя своей славы, богатства и могущества". Где хоть один из этих мотивов? Из всей славы - проход генерала Громова по термезскому мосту, в Чечне не было и того. Из могущества - политический провал. Из богатства - второсортное барахло из Джелалабада.

В одном из тех нечастых случаев, когда на первый план выходит автор, Светлана Алексиевич говорит о своем методе: "Я делаю простые снимки. Моментальные снимки. И всегда помню, что в одной фотографии отражается всего лишь одна сотая секунда. Тороплюсь. Но все-таки надеюсь, что это не только фотографии и документы, но и образ моего времени, каким я его вижу".

Алексиевич "делает снимки", ведет отбор свидетельств, преисполненная сочувствием и жалостью. Это безошибочно ощущается в ее книгах, хотя и написаны они "чужими" словами. В ее случае такое сопереживание и есть высочайший профессионализм. В общем, это один ряд - священник на исповеди, врач у операционного стола, писатель в жанре "устной истории".